

УДК 008(470)(09)+069.5(470)+929 Озаровский

СОХРАНЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЫ: КОЛЛЕКЦИЯ Ю. Э. ОЗАРОВСКОГО (1869–1924)

Н. С. Онегин

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
E-mail: NicholasOnegin@gmail.com

Статья посвящена коллекции памятников русской старины Юрия Эрастовича Озаровского, режиссёра Александринского театра. В 1914 г. на основе своего собрания он открыл в Санкт-Петербурге историко-бытовой музей «Старый домик». Автор статьи вводит в научный оборот ранее неизвестные факты и неизданные материалы по истории собрания Ю. Э. Озаровского, а также раскрывает ту роль, которую сыграл коллекционер в области сохранения, изучения и популяризации памятников городского быта XVIII – начала XIX века.

Ключевые слова: Ю. Э. Озаровский, музей «Старый домик», Государственный Эрмитаж, Александринский театр.

The Preservation and Researching of the Monuments of Everyday Culture: the Yury Ozarowsky Collection

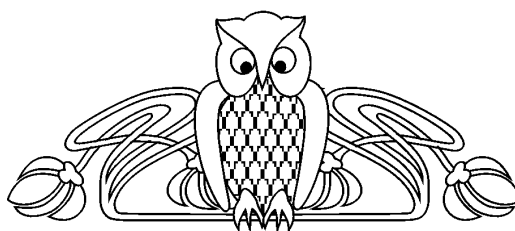
N. S. Onegin

This article is devoted to the collection of the monuments of Russian antiquity, founded by Yury Ozarowsky, the Director of the Aleksandrinsky theatre. In 1914 he opened the «Old little house» historical museum, based on his own collection, in Saint-Petersburg. The author of this article publishes unknown facts and materials about the collection and also reveals Ozarowsky's activities in the sphere of preservation and popularization of the historical artifacts of 18-19th centuries.

Key words: Ozarowsky, «Old little house» museum, State Hermitage museum, Aleksandrinsky theatre.

Начало XX столетия ознаменовано стремительными переменами в городском быте: ускорение темпа жизни, пересмотр норм гигиены, внедрение новейших строительных материалов, появление электричества, лифтов, автомобилей, водопровода и телефонных аппаратов – всё это приводило к тому, что привычная предметная среда стала быстро меняться, уступая место новшествам.

В русле этих изменений, гордо названных в прессе «прогрессом», среди коллекционеров, историков и музейных сотрудников эпохи модерна возникла необходимость сохранять предметы обихода предыдущих столетий, изучать их, чтобы затем передавать современникам информацию о том, «как жили предки». Интерес представителей интеллигенции к памятникам бытовой культуры нашел свое отражение в научных публикациях, ретроспективных выставках и популярной литературе того времени¹, а также оказал влияние на антикварный рынок². Собиратели, ранее интересовавшиеся исключительно произведениями жи-

вописи и скульптуры, постепенно стали дополнять свои коллекции старинными предметами мебели, тканями, одеждой, изделиями из стекла и бронзы³. Причем ценилась не только художественная сторона памятника, но и его историческая составляющая, то есть его знаковость или типичность для своего времени.

На фоне описанного ретроспективизма в городах Российской империи стали открываться интересные музеи, которые в полной мере можно назвать историко-бытовыми. В столице изучением «русской старины» занимался Музей Старого Петербурга, организованный Обществом архитекторов-художников в 1907 г.⁴, а также частично Русский музей императора Александра III⁵.

Однако недавно были обнаружены ранее неизвестные материалы, которые доказывают факт существования в Санкт-Петербурге начале XX в. ещё одной историко-бытовой экспозиции, ныне почти забытой. Речь идет о частном музее, получившем название «Старый домик», который просуществовал всего три года, но оказался одним из важнейших выставочных пространств, где можно было обнаружить сведения по бытовой культуре прошлых эпох и познакомиться с подлинными памятниками старины.

Эта экспозиция привлекла внимание исследователей после выхода в 1973 г. альбома «Русская мебель в Государственном Эрмитаже»⁶, где «Старый домик» упоминался как источник поступления нескольких предметов мебели. Затем, в издании по истории Государственного Русского музея Л. А. Обуховой был опубликован фотоснимок с видом одного из залов «Старого домика»⁷. В 2001 г. свет увидела статья научного сотрудника Государственного Эрмитажа Н. Ю. Гусевой, в которой раскрывались основные этапы формирования собрания частного музея⁸.

В течение последних 10 лет в некоторых архивах (РГИА⁹, ЦГАКФФД¹⁰, архив Государственного Эрмитажа¹¹) и в собраниях петербургских коллекционеров был обнаружен достаточно большой объем новых материалов (документы, фотографии, описи, письма), которые позволили существенно дополнить имеющиеся данные о «Старом домике». На основе их детального научного анализа удалось частично восстановить обстоятельства формирования коллекции музея¹², особенности его работы и, как результат, оценить

роль «Старого домика» в процессе изучения и сохранения памятников прошлого.

Музей возник стараниями всего одного человека – потомственного дворянина Юрия Эрастовича Озаровского (1869–1924), актёра и режиссёра Императорского Александринского театра, а также педагога Санкт-Петербургского театрального училища¹³. Возникшее у него ещё в детстве увлечение русской стариной на протяжении всей жизни не слабело и являлось сильной страстью наряду с театром. Эти две сферы интересов прекрасно дополняли друг друга: работая над «историческими пьесами», режиссёр тщательно изучал показываемую на сцене эпоху и старался реконструировать интерьеры, костюмы, стиль речи и даже манеру поведения людей прошлого¹⁴. «Все его постановки носили отпечаток законченной красоты, внутренней смысла и исторического правдоподобия»¹⁵, – отмечали критики.

Ради углубления и систематизации своих знаний Ю. Э. Озаровский прошел обучение в Археологическом институте (1901–1902), при котором существовал собственный музей старинных предметов¹⁶.

Примерно с 1899 г. Юрий Эрастович начал целенаправленно покупать антикварные вещи, причем искал интересные артефакты во всех городах и странах, в которых бывал во время гастролей труппы Александринского театра. Его любимой исторической эпохой был галантный XVIII век, эстетикой которого были увлечены также друзья Ю. Э. Озаровского из художественного объединения «Мир искусства», с которыми режиссёр поставил несколько исторических пьес. Впрочем, собиратель не отказывался и от предметов начала XIX в., если таковые возможно было приобрести.

Преподаватель по своему духу, Юрий Эрастович не хотел просто хранить старинную мебель, ткани, фарфоровую посуду и книги в своей квартире, но старался на основе своего собрания просвещать своих коллег и студентов, тем самым прививая интерес к русской истории. В архивах удалось обнаружить упоминания об экскурсиях по старым улочкам Санкт-Петербурга, которые собиратель проводил для учащихся в Театральном училище.

Кроме того, о необходимости таких экскурсий и лекций по истории быта Ю. Э. Озаровский говорит в своей работе «Наше драматическое образование». В монографии автор предлагает ввести предмет «История искусств и внешнего быта народов», который дал бы сведения, «весьма ценные для практической деятельности артиста, касаясь бытовых условий исторической жизни, что особенно важно в так называемых исторических пьесах»¹⁷. Чуть далее Ю. Э. Озаровский отмечает: «Громадную пользу учащимся принесло бы также учреждение при курсах небольшого музея, куда бы постепенно собирались типические костюмы, предметы домашней обстановки и проч.»¹⁸. Таким

образом, уже в 1900 г. коллекционером овладевает идея создать в будущем музей по истории уклада жизни прошлого.

В этом ключе особую роль играет вышедший в 1904 г. труд «Горе от ума» – текст А. С. Грибоедова с обширными историческими комментариями Ю. Э. Озаровского, которые касались бытовой стороны описываемой эпохи. По свидетельству критиков, «это было незаменимое руководство для постановки “Горя от ума”, – всё, что нужно было знать художнику-декоратору, режиссёру, костюмеру, парикмахеру и, конечно, артистам. В этой книге есть даже рисунки обуви и пуговиц для платьев»¹⁹. Это богато иллюстрированное издание было признано образцовым Учёным комитетом Министерства народного просвещения и членами Императорской Академии наук.

В плане просветительской деятельности Юрия Эрастовича особенно важным оказалось его участие в Юбилейной Царскосельской выставке 1911 г., посвященной 200-летию императорской резиденции. В рамках этого грандиозного события, проходившего под покровительством Николая II, в растреллиевском павильоне «Эрмитаж» демонстрировались предметы домашнего обихода времён императрицы Елизаветы Петровны, одной из главных владелиц Царского Села²⁰. Все эти вещи – стулья, кресла, шкафы, зеркала – происходили из коллекции Озаровского. Он, как истинный режиссёр, расставил их ансамблем так, чтобы создавалось ощущение подлинного жилого интерьера середины XVIII столетия. Аутентичность памятников усиливала архитектура самого павильона, в интерьерах которого сохранилась подлинная отделка 1740–1750-х гг. Посетители и организаторы экспозиции по достоинству оценили как сами предметы собрания, так и способ их демонстрации, – в результате Юрий Эрастович получил Большую золотую медаль выставки²¹.

Успех вдохновил коллекционера на следующий этап, о котором он давно мечтал, – создание на основе своего собрания «предметов русской домашней обстановки» собственного музея, доступного широкой публике.

Пространством для размещения экспонатов будущего музея был выбран старинный одноэтажный особняк 1779 г. в Соляном переулке²² – чудом сохранившийся фрагмент старого Петербурга, который находился близ Летнего сада, Летнего дворца Петра I, старинной церкви святого Пантелеймона, а также музея Училища технического рисования барона А. Л. Штиглица, который Озаровский любил посещать.

Сразу после приобретения дома Юрий Эрастович начал его ремонт, а вместе с этим и оформление экспозиционных помещений музея. Все подлинные старинные детали в особняке, такие как фигурные деревянные наличники, мелкие стекла в окнах, дощатый пол, резные двери и т. д. были оставлены в неприкосновенности.

Аутентичные элементы прошлого придавали предметам из коллекции еще больший дух подлинной старины.

Озаровский подошёл к созданию экспозиции как истинный режиссёр-постановщик, опираясь на опыт показа своих вещей на Царскосельской выставке. Разделив все предметы по историческим эпохам, он оформил не одну музейную комнату, а целую анфиладу выставочных помещений. Каждый из этих залов представлял собой реконструкцию жилого интерьера конкретного исторического периода – так появились Допетровская, Петровская, Елизаветинская, Екатерининская и Александровская комнаты²³.

Помещения были наполнены антикварными предметами из собрания Юрия Эрастовича: мебелью, книгами, образцами тканей, фарфоровыми изделиями, живописными полотнами, графическими изображениями и т. д. Необходимо отметить, что все эти памятники старины были расположены в соответствии с подлинными гравюрами и акварелями XVIII–XIX вв. Кроме того, Озаровский поместил свои сокровища в соответствующее окружение, воссоздав по сохранившимся образцам обои и повесив подлинные люстры. В Петровской и Елизаветинской комнатах он симитировал краской на дощатом полу мраморную кладку «шахматным методом», как это можно было видеть во дворцах Петергофа. «Каждая вещь строго обдумана и служит дополнением общего ансамбля, дающего полную картину того времени»²⁴, – верно подмечали в прессе.

Ещё одной необычной особенностью этих музейных «комнат» было отсутствие в них этикеток, а также ограничительных веревок и витрин: по мнению Ю. Э. Озаровского, это помогало посетителям ещё больше погрузиться в эпоху.

О формировании будущего историко-бытового музея Ю. Э. Озаровский рассказал в феврале 1913 г. на общем собрании Общества архитекторов-художников в зале Совета Академии художеств, после чего со стороны членов Общества прозвучали продолжительные аплодисменты²⁵. Стало ясно, что знатоки старины поддерживают деятельность Юрия Эрастовича в сфере сохранения и изучения бытовой культуры прошлых столетий.

Торжественное официальное открытие нового музея состоялось через год, в воскресный день 23 февраля 1914 г.²⁶ Он получил поэтичное название «Старый домик», хотя некоторые из тех, кто видел музей, в мемуарах употребляют также обозначение «Театральный домик». На церемонии открытия присутствовали знатоки искусства, историки, антиквары, а также коллеги Озаровского по его театральной деятельности. Г. К. Лукомский передал приветствие от коллектива Музея Старого Петербурга, подчеркнув, что «Старый домик» с прекрасной коллекцией предметов домашнего обихода петербуржцев стал «неотъемлемой частью общего музея [истории

города], который ждет ещё своего осуществления»²⁷.

На следующий день фотограф Яков Владимирович Штейнберг запечатлел выставочные залы, а также самого основателя – Ю. Э. Озаровского²⁸. Именно эти снимки в 1980-е гг. были найдены исследователями в Центральном Государственном архиве кинофотофонодокументов, а чуть позднее – в одном петербургском частном собрании и Архиве Музея русской драмы при Александринском театре. Уникальные материалы позволили наглядно увидеть экспозицию «Старого домика», а также начать идентификацию предметов из собрания Озаровского в фондах городских музеев.

Создатель и владелец музея не только показывал музейными методами «застывшую историю», но и «оживлял» её. Из обнаруженных в архивах документов стало известно, что Озаровский устраивал в своем особняке тематические вечера, посвященные театру, музыке и поэзии прошлого. Публика могла насладиться пьесами XVIII в., восстановленными силами Юрия Эрастовича и его близкой подруги Ольги Афанасьевны Глебовой-Судейкиной²⁹, либо постановками самого Озаровского, стилизованными под «русскую старину». Разумеется, во всех этих ретроспективных спектаклях по мере возможности соблюдалась историческая достоверность реконструированных платьев, причёсок, поведения, предметов домашней обстановки и т. п. – то есть театральные вечера вполне можно назвать просветительскими.

Новый музей, находившийся в старинном особняке, оказался идеальным местом для проведения заседаний различных обществ, занимавшихся сохранением культурного наследия Санкт-Петербурга. В стенах «Старого домика», в частности, проходили встречи членов «Общества защиты памятников старины и искусства в России» и «Кружка любителей художественного чтения и музыки», а также сотрудников таких журналов, как «Старые годы», «Театр и искусство», «Столица и усадьба». Та работа, которую проделал Юрий Эрастович Озаровский в области изучения памятников, не осталась незамеченной его коллегами. Музей являлся сам по себе прекрасным примером бережного отношения к памятникам прошлого, а также показывал интересные методы их сохранения и демонстрации публике.

В течение 1914 г. в прессе появилось несколько достаточно объемных статей, описывавших собрание Озаровского и его музей, – «уголок, где можно отдохнуть от злободневных впечатлений и набрать новые»³⁰. Данная в печати информация стала хорошей рекламой, и музей пользовался популярностью, пока не грянула Первая мировая война.

Во время войны музей почти не посещался, так как его директор был привлечен Главным

управлением военно-учебных заведений к работе в качестве преподавателя при курсах учителей в разных городах Российской империи.

Весной 1915 г. Дирекция императорских театров объявила о проведении в четверг 23 апреля бенефиса Юрия Озаровского по поводу исполнившегося 25-летнего юбилея его артистической, литературно-педагогической, научной и общественной деятельности. Современники отмечали, что «чувствование прошло торжественно; бурным потоком лились речи, читались телеграммы, несли подарки, венки, цветы»³¹.

После бенефиса Юрий Эрастович оставил Александринскую сцену и отправился на работу в московский театр «Летучая мышь», а очень скоро получил должность художественного руководителя Московского драматического театра. В МДТ он выступал в качестве не только режиссёра-постановщика, но и «художника по мебели и аксессуарам» в нескольких ретроспективных пьесах, пользуясь своими обширными знаниями по истории культуры, накопленными ранее.

Переезд из Петрограда, а также возникшие финансовые трудности заставили Юрия Эрастовича принять трудное решение – отказаться от своего музея в Соляном переулке, который содержался исключительно на его трудовые средства. Закрывать «Старый домик» значило расстаться со своей мечтой об общедоступном музее, который мог бы показать современникам особенности петербургского быта XVIII – начала XIX в. В конце ноября 1916 г. состоялась сделка, по итогам которой новым собственником ценных экспонатов уникального музея стала петроградская Школа народного искусства имени императрицы Александры Фёдоровны: «Приобретена в собственность редкая коллекция русской старины, по преимуществу состоящая из предметов художественной промышленности и стильной домашней обстановки»³². Памятники из коллекции Озаровского должны были стать образцами для изучения ученицами старых технологий в ремеслах и особенностях декорирования изделий. По оценкам экспертов, Школа выплатила Юрию Эрастовичу 15.000 рублей³³. Интересно отметить, что за несколько лет до этого руководством Школы были приобретены собранные художником Дмитриевым-Оренбургским старинные русские костюмы и предметы мебели, общее количество которых лишь немногим уступало коллекции Озаровского³⁴.

Когда прогремела Октябрьская революция 1917 г., Юрий Эрастович, несмотря на занимаемую должность художественного руководителя одного из ведущих московских театров, решил оставить Россию. Его путь лежал сначала в Киев, затем в Одессу, а потом он эмигрировал в Прагу, и, наконец, остановился в хорватской столице – городе Загребе. Он работал в Национальном театре, но в октябре 1920 г. переехал в Париж, где продолжал преподавание риторики

русским артистам-эмигрантам в основанной им же Русской драматической школе³⁵.

Во французской столице 29 октября 1924 г. в клинике Кашен³⁶ Юрий Эрастович Озаровский закончил свою интересную, хотя и весьма драматичную жизнь. По описаниям его ученицы, за гробом, на такси следовали лишь вторая супруга коллекционера З. К. Сабинич-Озаровская и её подруга. По старой традиции простые горожане, увидев похоронную процессию, расставались с головными уборами: «Вот, смотрите, весь Париж снял перед ним шляпу!», – грустно заметила Зинаида Кондратьевна³⁷. Страстный любитель русской старины и автор нескольких трудов по режиссуре и педагогике был похоронен на знаменитом кладбище Пер-Лашез.

Судьба собрания Ю. Э. Озаровского оказалась не менее интересной. Некоторое время после покупки «Старого домика» предметы из его экспозиционных залов служили пособиями для слушательниц Школы народного искусства. Затем они стали частью Кустарного музея при Техникуме кустарной промышленности, который расположился в том же здании Школы, на набережной Екатерининского канала, дом 2а. Удивительно, но в вихре революционных событий и хаоса почти все эти памятники старины, общим числом около 600, уцелели.

В архивах Государственного Эрмитажа³⁸ и Государственного Русского музея³⁹ хранятся отдельные бумажные листы-описи, озаглавленные как «Список вещей домика Озаровского, переданных в Историко-бытовой отдел Г. Р. Музея». Из анализа этих источников становится известно, что уникальный комплекс, который представляла собой коллекция Озаровского, в 1926–1927 гг.⁴⁰ перевезли из Кустарного техникума в специальный музейный отдел, сотрудники которого занимались описанием, хранением и систематизацией произведений искусства из национализированных частных собраний. Можно предположить, что вещи из закрытого «Старого домика» фактически хранились в Корпусе А. Н. Бенуа на канале Грибоедова, где были основные фонды Историко-бытового отдела. Здесь они, возможно, стали экспонатами выставки «Быт русских купцов и промышленников XVIII–XIX веков», где «особенно удались “уголки” интерьеров от комнат Сердюкова (начала XVIII века)⁴¹ до гостиных петербургских гостиных дворцов 1840-х»⁴².

В 1930-е гг. Историко-бытовой отдел был переведен в Музей революции (то есть в здание Зимнего дворца), а чуть позже – в Музей этнографии народов СССР (ГМЭ) в Ленинграде. Не исключено, что некоторые предметы из коллекции Ю. Э. Озаровского были частью популярной выставки «Россия в XVIII веке»⁴³.

Перемещения этих памятников завершились только после того, как в марте 1941 г. в Государственном Эрмитаже на базе Историко-бытового отдела был создан Отдел истории русской культу-

ры – именно туда решено было перевезти экспонаты бывшего «Старого домика». К сожалению, в ходе оформления документации в графе «Поступление» уже значилось лишь краткое «ГМЭ», без указания имени Озаровского, – это обстоятельство затрудняет в наши дни поиск памятников из коллекции Юрия Эрастовича в фондах музеев.

В крупнейшем музее мира эти «предметы старинной русской обстановки» стали украшением многих временных выставок и постоянных экспозиций. Таким образом, можно утверждать, что образцы русской бытовой культуры, собранные по российским городам стараниями Ю. Э. Озаровского, оказались в прекрасном пространстве, достойном их исторической ценности.

Наследие Юрия Эрастовича Озаровского состоит не только в собранных им старинных предметах быта, но и в том опыте, который можно извлечь из изучения необычной экспозиции «Старого домика». Её с уверенностью можно назвать одним из ярких явлений, отразивших новые тенденции в выставочном деле 1910-х гг. Помимо этого, научный анализ дошедших до нас материалов помогает по достоинству оценить тот вклад, который внёс Ю. Э. Озаровский в сохранение, изучение памятников бытовой культуры России XVIII – начала XIX в., а также в распространение знаний о ней среди широких масс населения.

Автор выражает благодарность за помощь в подготовке материала Н. Ю. Гусевой, И. О. Сычёву, В. И. Фёдоровой и С. Ю. Спириной.

Примечания:

- 1 См.: Добужинский М. В. Воспоминания. М., 1987. С. 194.
- 2 См.: Золотинкина И. А. Журнал «Старые годы» и ретроспективное направление в художественной жизни Петербурга (1907–1916) : автореф. дис. ... канд. искусствоведения / СПбГХПА им. А. Л. Штиглица. СПб., 2009. С. 12–26.
- 3 См.: Антонов В. И. Интерес к старине // Русское чтение. 1912. 5 февр. С. 6.
- 4 См.: Музей Города. Отдел Музей Старого Петербурга. Л., 1928.
- 5 См.: Попова Г. А. Музей Города в Аничковом дворце. События, судьбы, коллекции. СПб., 1998. С. 10–17.
- 6 См.: Соколова Т. М., Орлова К. А. Русская мебель в Государственном Эрмитаже. Л., 1973. С. 243.
- 7 См.: Обухова Л. А. Декоративная резьба XVIII–XIX вв. // Из истории Государственного Русского музея : сб. статей. СПб., 1995. С. 213.
- 8 См.: Гусева Н. Ю. Мебель из «Старого домика» Ю. Э. Озаровского в собрании Государственного Эрмитажа // Судьбы музейных коллекций : сб. материалов VII Царскосельской науч. конф. СПб., 2001. С. 215–217.
- 9 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 681. Оп. 1. Д. 88.
- 10 Центральный Государственный архив кинофотофонодокументов (ЦГАКФФД). Г-17796.
- 11 Архив Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа (ОИРК ГЭ). ОНПД-215.
- 12 См.: Онегин Н. С. «Старый домик» Юрия Озаровского. Из истории коллекционирования в России // Антиквариат. Предметы искусства и коллекционирования. 2011. № 11 (91). С. 42–50.
- 13 См.: Сомина В. В. Юрий Эрастович Озаровский // Сюжеты Александрийской сцены. Рассказы об актёрах. СПб., 2006. С. 447–474.
- 14 См.: Озаровский Ю. Э. Как собирался «Старый домик»? Из впечатлений коллекционера // Столица и усадьба. 1914. № 18. С. 18.
- 15 Л. Д. Юрий Эрастович Озаровский (биографический очерк) // Журнал Русской драматической школы Ю. Э. Озаровского в Париже. [Б. м.: б. и.] / Архив Музея русской драмы Государственного академического театра драмы им. А. С. Пушкина (Александринского).
- 16 См.: Пивоварова Н. В. Музей Санкт-Петербургского Археологического института (1878–1922) // Судьбы музейных коллекций : сб. материалов VII Царскосельской науч. конф. СПб., 2001. С. 116–123.
- 17 Озаровский Ю. Э. Наше драматическое образование. СПб., 1900. С. 55.
- 18 Там же. С. 61–62.
- 19 Андрусова Е. Незабываемый Озаровский // Новое русское слово. 1977. 30 янв. С. 5.
- 20 См.: Художественно-иллюстрированный исторический альбом состоящей под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Царскосельской юбилейной выставки. СПб., 1911. С. 101.
- 21 См.: Гусева Н. Ю. Мебель из «Старого домика» Ю. Э. Озаровского в собрании Государственного Эрмитажа. С. 216.
- 22 Санкт-Петербург, Соляной переулок, дом 8. Особняк не сохранился.
- 23 См.: Озаровский Ю. Э. «Старый домик» // Солнце России. 1914. № 212. С. 12.
- 24 Редкое музейное приобретение // Голос Руси. 1916. № 1023 от 24 ноября. С. 4.
- 25 См.: Доклад Ю. Э. Озаровского // Речь. 1913. № 36 от 6 (19) февраля. С. 4.
- 26 См.: Открытие «Старого домика» // Известия Императорской Археологической комиссии. 1914. Прибавление к вып. № 56. С. 67. Ранее считалось, что открытие состоялось в 1913 г. См.: Обухова Л. А. Декоративная резьба XVIII–XIX вв. С. 214.
- 27 Открытие музея «Старый домик» // 1914. Речь. № 53. С. 11.
- 28 Фотография со штампом фотоателье и напечатанной на нём датой хранится в архиве Музея русской драмы Государственного академического театра драмы им. А. С. Пушкина (Александринского).
- 29 См.: Лурье А. Ольга Афанасьевна Глебова-Судейкина // Воздушные пути. 1967. № 5. С. 142.
- 30 Открытие «Старого домика» // Известия Императорской Археологической комиссии. 1914. Прибавление к вып. № 56. С. 67.

- ³¹ *Базилевский В. Ю. Э. Озаровский // Камни и жизнь. 1915. 3 мая. С. 3.*
- ³² Редкое музейное приобретение. С. 4.
- ³³ См.: Редкая коллекция // Известия Императорской Археологической комиссии. 1917. № 64. С. 70.
- ³⁴ См.: Редкое собрание предметов народного искусства // Прибавление к Известиям Императорской Археологической комиссии. 1915. № 57а. С. 20.
- ³⁵ *Л. Д. Указ. соч.*
- ³⁶ См.: *Сомина В. В. Юрий Эрастович. С. 474.*
- ³⁷ *Андрусова Елена. Незабываемый Юрий Озаровский // Новое русское слово. 1977. 30 янв. С. 8.*
- ³⁸ Архив ОИРК ГЭ, ОНПД-215.
- ³⁹ Архив Государственного Русского музея (ГРМ). Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 32. Л. 71 об.
- ⁴⁰ Эти даты, написанные чернилами, стоят внизу каждого списка.
- ⁴¹ *Степанов А. А. Комната купца Сердюкова. Л., 1926.*
- ⁴² *Глинка В. М. Воспоминания о блокаде. СПб., 2012. С. 36.*
- ⁴³ Там же. С. 50.

УДК 94:329.055.2

ФИНАНСОВЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР В ОТНОШЕНИИ ФРАНЦИИ В СЕРЕДИНЕ 1920-х ГОДОВ

В. Г. Цыплин

Саратовский государственный университет
E-mail: v.tsyplin@yandex.ru

В статье рассматриваются международные экономические отношения между СССР и Францией в середине 1920-х гг., анализируются документы заседаний Политбюро ЦК ВКП (б), дающие представление о подходах к долгovým вопросам и взаимным претензиям по финансовым проблемам.

Ключевые слова: межвоенный период, заседания политбюро ЦК ВКП (б) по вопросам долгов СССР, франко-советские отношения.

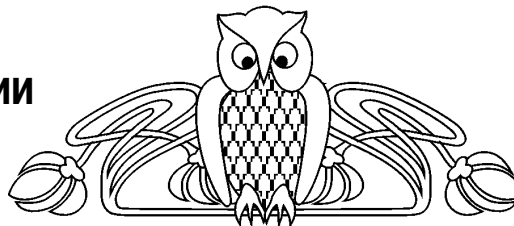
Financial Aspects of Relations between Soviet Union and France in the Mid 1920s

V. G. Tsyplin

The article examines bilateral economic relations between France and Soviet Union during 1920s. Author analyses documents and materials of Political Bureau of the Communist Party focused on Soviet approaches toward the issues of foreign debt, mutual obligations and financial disputes and issues.

Key words: Interwar period, Political bureau of the Communist Party sessions on Soviet debt issues, French-Russian relations.

3 мая 1924 г. в здании советского торгового представительства, расположенного в Берлине, произошли события, имеющие немалый интерес с позиций оценки перспектив взаимоотношений торговых представительств СССР и Франции. Спецслужбы и полиция провели обыск и аресты некоторых сотрудников. Им вменялась в вину помощь в организации и совершении побега члена Коммунистической партии Германии (КПГ). Однако та же КПГ вскоре объявила его провокатором. Полицейские власти принялись давать совершенно невнятные объяснения этой политической провокации. Правительство же на своем уровне придерживалось курса на сближение Германии с Россией, а не с Францией. А нормализация международных отношений между СССР и Францией

наступила только после выступления в сенате премьер-министра 9 апреля 1924 г. При этом были озвучены некоторые оговорки, превратившиеся в серьезные требования¹.

Данный инцидент был сведен к «недоразумению» в деловых и межгосударственных отношениях после выборов 11 мая 1924 г., когда к власти во Франции пришли представители левого блока, сформировавшие новое правительство. Оно без каких-либо условий признало СССР. Нарком внешней торговли Л. Б. Красин в своем выступлении на XIII съезде РКП (б) не придал какой-либо значимости следственным действиям полиции в торговом представительстве в Берлине. О Франции теперь стали говорить как о торговом партнере².

Как известно, в 1920 г. после поражения белой армии в Крыму по приказу её командующего барона Врангеля боевые корабли в составе целых эскадр были уведены в североафриканский порт Бизерта. Процесс дипломатических переговоров, возможности и условия их возвращения в СССР представляют определенный интерес. Впервые этот вопрос был поднят в выступлениях в палате депутатов 18 ноября 1924 г. Наряду с этим был озвучен целый комплекс вопросов, касающихся компенсаций по французским займам, выданным России.

В ходе дипломатических контактов, которые состоялись 3 января 1925 г. между членом палаты депутатов Лушером и полпредом СССР во Франции Л. Б. Красиным, четко прослеживаются неофициальные позиции сторон.

Французская сторона готова пересмотреть российский долг в размере 14–15 млрд франков, при условии уплаты 2 млрд франков и ежегодных платежей в виде процентов, равных 100 млн